НЕМЕЦКАЯ КАТАСТРОФА

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

Фридрих Мейнеке

DIE DEUTSCHE KATASTROPHE

BETRACHTUNGEN UND ERINNERUNGEN

Фридрих Мейнеке

Немецкая катастрофа. Размышления и воспоминания

«Издательство Ивана Лимбаха»

1947

УДК 94 (430) "1932/1945" = 161.1 = 03.112.2
ББК 63.3 (4Гем) 613 + 63.3 (4Гем) 62-46-021/83.3

Мейнеке Ф.

Немецкая катастрофа. Размышления и воспоминания /
Ф. Мейнеке — «Издательство Ивана Лимбаха», 1947

ISBN 978-5-89059-560-7

Фридрих Мейнеке (1862–1954) – один из крупнейших немецких историков своего времени. В книге содержится глубокий анализ причин национальной трагедии, пережитой немцами в XX в. В отличие от Карла Ясперса, исследовавшего тему вины и ответственности, Мейнеке задается другими вопросами. Был ли приход Гитлера к власти случаен или неизбежен? Есть ли у Третьего рейха глубокие корни в немецком прошлом? Погиб ли нацизм окончательно или существует риск его возвращения на историческую сцену? И, наконец, есть ли у немцев среди разрухи и унижения надежда на лучшую жизнь? Эти вопросы занимали многих образованных немцев в первые послевоенные месяцы и годы. Именно поэтому появившаяся на свет в 1946 году книга Мейнеке стала бестселлером, выдержав несколько изданий подряд. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94 (430) "1932/1945" = 161.1 = 03.112.2
ББК 63.3 (4Гем) 613 + 63.3 (4Гем) 62-46-021/83.3

ISBN 978-5-89059-560-7

© Мейнеке Ф., 1947
© Издательство Ивана Лимбаха, 1947

Содержание

Предисловие переводчика 6
Предварительное замечание 10
1. Две волны нашей эпохи 12
2. Немецкий народ до и после основания империи 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Фридрих Мейнеке
Немецкая катастрофа.
Размышления и воспоминания

Перевод выполнен по изданию: *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden: Dritte Auflage, 1947

© Friedrich Meinecke
© Н. А. Власов, перевод, предисловие, комментарии, 2024
© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2024
© Издательство Ивана Лимбаха, 2024

Предисловие переводчика

Что должен чувствовать, о чем думать человек, который на склоне лет видит свою горячо любимую страну разгромленной, лежащей в руинах, ставшей предметом ненависти всего мира? Человек, прекрасно понимающий, что все происходящее не каприз злой судьбы, не плод заговора злобных врагов, а результат действий собственного правительства. Правительства, обещавшего народу величие, богатство и процветание под лозунгами национального превосходства и особого исторического пути – а в итоге приведшего страну к тотальному поражению, иноземной оккупации и разрухе. Правительства, против которого этот человек выступал с самого начала, понимая, насколько гибельными окажутся последствия такой политики.

Фридрих Мейнеке – один из крупнейших немецких историков своего времени – чувствует боль за свою страну и сожаления о том, что катастрофу не удалось предотвратить. А думает он о причинах произошедшего и о том, как немцы смогут выбраться из пропасти, в которой оказались в 1945 году. В отличие от своего соотечественника Карла Ясперса, поставившего во главу угла вопрос вины и ответственности[1], Мейнеке задается другими вопросами. Был ли приход Гитлера к власти случаен или неизбежен? Есть ли у Третьего рейха глубокие корни в немецком прошлом? Погиб ли нацизм окончательно или существует риск его возвращения на историческую сцену? И наконец, есть ли у немцев среди разрухи и унижения надежда на лучшую жизнь? Эти вопросы занимали многих образованных немцев в первые послевоенные месяцы и годы (конечно, в той степени, в которой они не были заняты проблемами банального выживания, как подавляющее большинство их соотечественников). Именно поэтому вышедшая в свет в 1946 году книга Мейнеке «Германская катастрофа» стала бестселлером, выдержав несколько изданий подряд.

Эти вопросы представляли не только академический интерес. Только понимая причины болезни, можно было приступить к лечению. «Вопрос о том, можно ли было избежать назначения Гитлера, не является бессмысленным, как могла бы счесть банальная философия истории, – писал Мейнеке. – Потому что в зависимости от ответа перед нами предстает разная картина общего духовного и политического состояния немецкого народа – дающая надежду или безнадежная. (…) Если все должно было свершиться так, как свершилось, то нынешняя ужасная катастрофа, ставшая одновременно итогом и концом гитлеризма, способна сломить волю к дальнейшей жизни и деятельности. Такой мрачный фатализм способен сковать энергию тех, кто должен действовать. Такова практическая сторона проблемы. Ее теоретическая сторона, однако, требует, чтобы мы не упускали из виду фактор свободы в истории, то есть возможность действовать иначе, чем было в реальности. Если мы призна́ем существование такой возможности, если допустим, что приход Гитлера к власти можно было успешно предотвратить, то тем самым уменьшим и долю вины немецкого народа в этих событиях».

Однако пришла пора представить автора. Фридрих Мейнеке родился в 1862 году в семье мелкого служащего. В 1882 году, успешно закончив гимназию, поступил в Берлинский университет, где изучал историю и германистику. Четыре года спустя защитил диссертацию, посвященную событиям начала XVII века. Его академическая карьера оказалась весьма успешной: уже в 1893 году молодой ученый стал редактором «Исторического журнала» – флагмана немецкой исторической науки. В эти же годы Мейнеке защитил вторую диссертацию, посвященную жизни и деятельности прусского военного реформатора начала XIX века – фельдмаршала Бойена (она будет опубликована в двух томах во второй половине 1890-х годов). До 1901 года он работал приват-доцентом в Берлинском университете, далее последовали профессорские должности: в Страсбурге, Фрайбурге и, наконец, в 1914 году снова в Берлине.

[1] *Ясперс К.* Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М., 1999; 2022. *Здесь и далее примеч. пер.*

К началу Первой мировой войны Мейнеке стал уже широко известным и уважаемым ученым не только в Германской империи, но и за ее пределами. Перечислять все его почетные должности, все академии, членом которых он являлся, вряд ли имеет смысл при наличии интернета. Один за другим в свет выходят фундаментальные труды: в 1906 году – германская история эпохи Наполеоновских войн, два года спустя – одна из главных работ его жизни: книга «Космополитическая буржуазия и национальное государство». Мейнеке не замыкался в границах академических исследований, у него была активная политическая позиция. По своим убеждениям он являлся умеренным либералом и одновременно патриотом в лучшем смысле этого слова – горячо любящим свою страну и желающим ей процветания, однако не любыми средствами и не любой ценой.

Впрочем, не чужд был Мейнеке и весьма умеренного по тем временам национализма. По крайней мере, в 1914 году он, как и большинство немецких профессоров, поддержал собственное правительство и поставил перо на службу военным усилиям Германии. Опираясь на свой научный авторитет, активно публиковал статьи на исторические и политические темы в массовой прессе. Ни в коем случае не желая поражения Германии, Мейнеке, однако, уже в 1915 году выступил за компромиссный мир и отказ от аннексий, а в 1917 году принял участие в создании «Народного союза за свободу и Отечество», требовавшего окончания войны на приемлемых условиях и внутриполитических реформ.

Поражение и крушение монархии Гогенцоллернов Мейнеке воспринял с грустью, но одновременно и с надеждой. Не испытывая к республике глубокой симпатии, историк тем не менее считал ее объективно лучшей из возможных альтернатив. Он принадлежал к числу основателей Немецкой демократической партии, стремившейся обеспечить стабильное политическое развитие на основе новой конституции. Веймарские годы стали временем его творческого расцвета: он по-прежнему писал статьи для прессы, общался с ведущими политиками и продолжал исследовательскую работу. В 1924 году увидел свет фундаментальный труд «Идея государственного интереса в новой истории», в 1927 году – «История проблемы англо-германского союза в 1890–1901 годах», в 1936 году, уже после прихода к власти национал-социалистов, вышел главный труд его жизни: двухтомная работа «Возникновение историзма»[2].

К этому моменту, однако, его активная деятельность практически завершилась. Еще в 1932 году он по возрасту прекратил преподавание в университете. Когда вопреки его желанию и усилиям Гитлер пришел к власти – Мейнеке изначально с неприязнью относился к национал-социализму и предупреждал о его губительных последствиях, – заслуженный историк начал оставлять свои посты, погружаясь во внутреннюю эмиграцию: в 1934 году покинул Историческую комиссию, в 1935 году – редакцию «Исторического журнала». Он не выступал открыто против режима, не уехал за границу, однако поддерживал тесные связи с лидерами консервативного Сопротивления (будущими участниками заговора 20 июля). В свою очередь, и режим предпочитал не трогать маститого историка, справедливо считая, что старик не представляет серьезной угрозы. В 1941 году Мейнеке даже смог опубликовать первый том своих мемуаров.

Фридриху Мейнеке была суждена долгая и насыщенная жизнь. Он своими глазами видел создание и крушение бисмарковской Германской империи, взлет и падение Веймарской республики. Дожил он и до разгрома «тысячелетнего рейха», которому история отмерила всего-навсего двенадцать лет. Умер Мейнеке в 1954 году, успев побывать первым ректором Свободного университета Берлина. Однако главным творением его последних лет была «Германская катастрофа».

Впоследствии эту книгу и ее автора не раз критиковали. За то, что Мейнеке не высказывал однозначного суждения по поводу вины и ответственности немцев. За то, что в значи-

[2] *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма. М., 2004.

тельной степени оставался в плену предрассудков и стереотипов прошедшей эпохи. За то, что рассматривал поражение в войне и иностранную оккупацию как позор и унижение, а не как шанс построить новую Германию. В конце концов, за то, что он оказался не в состоянии предложить действенного рецепта такого строительства, ограничившись прекраснодушной и наивной мечтой о том, что декламация стихов Гёте оздоровит немецкое общество.

Однако с дистанции в три четверти века легко выступать всезнающим судьей. Труднее поставить себя на место человека, выросшего в бисмарковской империи, для которого вполне естественным было гордиться не только немецкими поэтами, но и прусскими фельдмаршалами, который привык видеть Германию в границах 1914 года и считать ее по праву занимающей место великой европейской державы. Взгляд Мейнеке – это взгляд современника описываемых событий, взгляд изнутри той ситуации, которая сложилась в послевоенной Германии. Историк смотрит на происходящее из самой глубины катастрофы, когда германское государство прекратило свое существование, а дорогие его сердцу Шиллер и Гёте (не говоря уже о политиках и генералах) считаются во всем мире едва ли не духовными предтечами нацизма. Будущее покрыто мраком; Мейнеке, как и многие немцы, пытается найти хоть какие-нибудь ориентиры, хоть какую-нибудь надежду.

В своей книге историк не пытается ни обвинить своих соотечественников во всех мыслимых грехах, ни оправдать их, объявив невинными жертвами диктатора. Он не сводит Третий рейх – как это часто будет делаться в ранней ФРГ – к демонической фигуре Гитлера, якобы околдовавшего миллионы человек, не объявляет его появление исторической случайностью. Он делает видимыми глубокие объективные причины возникновения национал-социализма, показывает сложную картину политического, социально-экономического, интеллектуального развития XIX века, в рамках которого были как вполне здоровые, так и губительные тенденции. Хороший пример – пресловутый прусский милитаризм: автор демонстрирует его с различных сторон, перечисляя как положительные, так и отрицательные черты; заранее знать, какие в итоге возьмут верх, было невозможно.

Однако Мейнеке далек от детерминизма. Наличие объективных причин и неизбежность – далеко не одно и то же. Объявить Третий рейх неизбежностью – значит снять с немцев любую ответственность за его появление. Мейнеке доказывает: приход Гитлера к власти вполне можно было бы предотвратить, если бы не стечение неблагоприятных обстоятельств и не злонамеренная деятельность целого ряда конкретных людей. Эти люди, безусловно, виноваты во всем, что случилось; однако были и другие, которые в других условиях могли бы направить страну на иной путь – и, следовательно, шансы оправиться после катастрофы есть.

Странными и даже отчасти кощунственными могут показаться современному читателю главы книги, в которых Мейнеке задается вопросом о том, было ли в Третьем рейхе что-нибудь хорошее и есть ли у нацизма будущее. Однако не следует забывать, что автор писал не для далеких потомков, а для своих современников. Представление о том, что к июню 1945 года во всей Германии не осталось ни одного нациста, является не более чем красивой сказкой. Несмотря на поражение и крушение режима, миллионы немцев все еще продолжали считать национал-социализм хорошей идеей (только неудачно исполненной), а довоенный Третий рейх – лучшим временем в германской истории. Именно к ним и обращается Мейнеке, терпеливо доказывая: положительные стороны рухнувшего режима иллюзорны; Гитлера не интересовало ничего, кроме собственной власти; нацизм принес Германии только неисчислимые бедствия.

Впрочем, не будем подробно пересказывать этот небольшой текст. Ограничимся замечанием технического характера. Книга Мейнеке написана довольно тяжеловесным слогом, характерным для многих произведений немецких интеллектуалов XIX столетия. В точности сохранить этот стиль при переводе на русский язык оказывается невозможным, да и ненужным: текст станет попросту нечитаемым. Поэтому во многих случаях пришлось при переводе менять

структуру отдельных фраз – естественно, без ущерба для содержания и только там, где это было абсолютно необходимо.

Предварительное замечание

Сумеем ли мы когда-нибудь в полной мере осознать тот чудовищный опыт, который выпал на нашу долю за двенадцать лет существования Третьего рейха? Он уже позади, но мы – все без исключения – еще не осмыслили его в полной мере. Разные стороны нашей судьбы представали перед нашими глазами в ярком и, казалось, недвусмысленном свете. Однако как все они связаны и между собой, и с более глубокими причинами? Как дело дошло – должно было дойти – от безграничных иллюзий, жертвами которых стали столь многие из нас в первые годы Третьего рейха, до безграничных разочарований и разрушений последних лет? Кто может объяснить это нам сегодня? Немецкая история богата трудными загадками и несчастливыми поворотами. Однако загадка, стоящая сейчас перед нами, как и пережитая нами катастрофа, превосходит в нашем сознании все подобные перипетии прошлых лет.

Приведенные здесь размышления являются лишь набросками, подготовкой к грядущим попыткам глубже осознать нашу судьбу. Из всего многообразия пережитого выбраны только отдельные проблемы, имеющие глубинное и долговременное значение. Я не буду, к примеру, говорить обо всех национально-политических успехах Гитлера в годы перед началом Второй мировой войны – ведь они так или иначе обернулись крахом. Возможно, некоторые немецкие читатели, вместе со мной проклинающие гитлеризм, сочтут мою критику немецких буржуа и прусско-германского милитаризма слишком резкой и найдут для обоих «смягчающие обстоятельства». Будто бы я сам и раньше, и сейчас не искал их! Однако в нынешней ситуации, на мой взгляд, намного важнее поискать соринки в собственном глазу. Кроме того, в силу весомых причин я не буду рассматривать известные проблемы будущего мира. Внутренней причиной того, что сегодня мы можем говорить лишь об отдельных сторонах случившегося, стали эмоциональные и интеллектуальные потрясения, испытанные всеми современниками и свидетелями этого ужасного времени – не только теми, кого непосредственно затронуло происходящее, но и наблюдателями со всего мира. Эти потрясения затрудняют любое суждение, как бы ни старались мы рассматривать вещи четко и объективно. Добавляется сюда и нехватка качественных, надежных источников информации.

Однако потребность в том, чтобы достичь более полного понимания случившегося с нами, существует и оправдывает даже несовершенные попытки. И мы можем надеяться предложить следующим поколениям нечто такое, чего не может дать исследование, основанное только на письменных источниках, – ощущение духа того времени, когда вершились наши судьбы; духа, знание которого необходимо, чтобы эти судьбы стали до конца понятными.

Поэтому я счел себя вправе рассказать или хотя бы упомянуть некоторые вещи, которые пока не могут быть подвергнуты критической проверке – например, характерные высказывания Гитлера, сообщенные мне заслуживающими доверия источниками. Следует ли отложить их в сторону? Я взял лишь те, которые, на мой взгляд, согласуются с сущностью этого человека. Позднее критика сможет на основании более обширных и надежных материалов подтвердить или опровергнуть их.

Предлагаемые читателю размышления не являются плодом исключительно сегодняшней финальной катастрофы. Я с первых дней считал захват власти Гитлером началом величайшего несчастья для Германии, вновь и вновь проверяя и дополняя свои впечатления в многочисленных беседах с мыслящими современниками. Тем самым я предоставляю слово интеллектуальным и политическим противникам Гитлера – в том числе в воспоминаниях, важных в контексте моих наблюдений. Я не мог позволить уйти в небытие тому, что слышал в разговорах с Грёнером[3], Брюнингом[4], Беком[5] и другими.

---

[3] Вильгельм Грёнер (1867–1939) – немецкий генерал и политик. Поддерживал Веймарскую республику, в которой зани-

Большой помехой при написании этой книги стали проблемы со зрением. Кроме того, если не считать нескольких спасенных текстов, я был вынужден полагаться почти исключительно на собственную память. Прошу читателя снисходительно относиться к возможным ошибкам, возникшим по этой причине. И пусть мои заметки – сколь бы ограниченной ни была сегодня их ценность – помогут начать новую, хоть физически и согбенную, но духовно более чистую жизнь, пусть они укрепят нашу решимость употребить оставшиеся силы на спасение остатков немецкого народного духа и культуры.

мал ряд важных государственных постов. В 1928 г. был назначен министром рейхсвера (военным министром), в 1931 г. стал одновременно министром внутренних дел. В 1932 г. начал проводить более жесткий курс в отношении национал-социалистического движения, в частности, став инициатором запрета штурмовых отрядов (СА). В том же году покинул свои посты в связи с отставкой кабинета Генриха Брюнинга.

[4] Генрих Брюнинг (1885–1970) – немецкий политик, один из руководителей католической партии Центра. В 1930–1932 гг. занимал пост имперского канцлера. На этом посту ему пришлось иметь дело с тяжелыми последствиями экономического кризиса, стремительным ростом популярности радикальных партий, нарастающей нестабильностью политической системы Веймарской республики. В результате Брюнинг был вынужден править, опираясь не на парламентское большинство, а на президентские декреты, что дополнительно расшатывало конституционную систему. Стремился добиться отмены репараций, для чего откладывал принятие антикризисных мер внутри страны. Несмотря на определенные внешнеполитические успехи, провал внутренней и экономической политики Брюнинга привел к тому, что он утратил доверие президента и стал мишенью для критики различных политических сил. В мае 1932 г. вышел в отставку. После прихода Гитлера к власти, в мае 1933 г. стал последним председателем партии Центра перед ее роспуском. В 1934 г. эмигрировал.

[5] Людвиг Бек (1880–1944) – немецкий генерал, в октябре 1933 г. стал главой Войскового управления в министерстве рейхсвера, в 1935 г. преобразованного в Генеральный штаб сухопутных войск. На этом посту активно участвовал в наращивании германских вооруженных сил, однако выступал против военных планов Гитлера, считая их авантюрными. Стал одним из организаторов оппозиции режиму в рядах высшего командного состава. В 1938 г. отправлен в отставку. В дальнейшем являлся одной из центральных фигур консервативного Сопротивления, участвовал в подготовке заговора 20 июля, после провала которого застрелился.

1. Две волны нашей эпохи

Вопрос о глубинных причинах чудовищной катастрофы, постигшей Германию, будет занимать людей еще много веков – при условии, что люди грядущего захотят и смогут думать о подобных проблемах. Проблема немецкой катастрофы, однако, тут же превращается в вопрос, выходящий за пределы германских границ, – вопрос о судьбе Запада. Гитлеровский национал-социализм, который непосредственно привел нас к погибели, не является чем-то выросшим исключительно на немецкой почве. Несмотря на всю уникальность этого ужасающего образца человеческого грехопадения, у него есть определенные аналоги и предтечи в авторитарных системах соседних стран. Но что привело к столь удивительному искривлению существовавшей доселе главной линии развития в Европе? Ведь она, казалось, вела к некому сочетанию индивидуальной свободы и коллективных обязательств, то есть к сохранению либеральных достижений XIX столетия. Вместо этого произошло резкое погружение в деспотизм, возвышение terribles simplificateurs[6], явление которых Якоб Буркхардт предвидел еще больше полувека назад. Буркхардт же дает первые объяснения этой проблемы; будучи самым проницательным из мыслителей своего времени, он ясно увидел ее первые симптомы. В оптимистических иллюзиях Просвещения и Французской революции он усмотрел семена большой беды, ложного стремления к недостижимому массовому счастью, превратившемуся в алчность, стремление к власти и всеобщей жажде легкой жизни. Благодаря этому, как показывает Буркхардт, старые общественные связи распадаются и вместо них в конце концов появляются новые, насильственные узы. Эти узы и создают те самые terribles simplificateurs, люди насилия, которые, опираясь на военные корпорации, принуждают массы к дисциплине, послушанию и отказу от всех свободолюбивых чаяний. Каждое утро барабанный бой пробуждает эти массы к унылому ежедневному бытию, и каждый вечер барабаны отправляют их домой.

Итак, Буркхардт считал происходящее не немецкой, а западной проблемой; проблемой культуры, приходящей в упадок. Пример Франции, двукратный ее переход от демократии к цезаризму занимал его историческое и пророческое воображение. Это воображение следует признать выдающимся, несмотря на то, что его можно упрекнуть в известном морализаторском высокомерии. Общая картина слишком напоминает процесс морального падения европейского общества – его масс и элит. И все же свою роль играли и другие неудержимые процессы. Столь же значимой, как Французская революция с ее мобилизацией масс и устремлениями к свободе, власти и заработку, оказалась одновременно начавшаяся в Англии экономико-техническая революция машин, создавшая впоследствии крупную промышленность, новые слои населения и развитой капитализм. Чудовищное давление, которое растущие с небывалой скоростью массы стали оказывать на прежнее общество и культуру, невозможно переоценить. Источником этого давления стала не только алчность, как может показаться при чтении Буркхардта, но и элементарная потребность в достойных условиях жизни новых, поначалу тяжело угнетенных и аморфных масс. Старое общество и новые массы – это раздвоение непосредственно и опосредованно, явно и скрыто, в центре и на периферии влияло на все происходившее в XIX столетии. Массы, естественно, требовали сперва демократии; затем, чтобы обеспечить себе вполне достойный уровень жизни, они потребовали социализма. Последний стал их идеологией, их Библией; желанная, все ниспровергающая и созидающая революция представлялась средством, способным создать тысячелетнее царство нового счастья человечества. Эта опасность со стороны масс обернулась могучей волной, со второй половины XIX века катившейся

[6] Ужасных упрощателей (*фр.*) – термин, который знаменитый швейцарский историк Якоб Буркхардт употребил в 1889 г., обозначив им будущих демагогов и популистов, которые возвысятся благодаря демократической системе и, придя к власти, уничтожат права и свободы.

по миру старой культуры. С ней удалось совладать: частью благодаря превентивной, репрессивной или реформаторской внутренней политике, частью же, причем большей частью, благодаря второй могучей волне, родившейся из возросшей активности народов и масс XIX столетия. Эта волна пересекла и захлестнула первую, тем самым многократно ослабила или изменила ее направление, сделав целью не сотрясающую основы социальную революцию, а умножение могущества собственной нации. Этой второй волной было национальное движение XIX века. Изначально оно являлось либеральным, направленным на свободу индивида. Но, после того как эта свобода показалась достигнутой и обеспеченной, на первый план стал выходить национальный импульс, жаждущий могущества. Поначалу вторая волна была так же неудобна старому миру, местами она даже восставала против него. Однако от другой, социалистической волны она отличалась тем, что не была столь безусловно враждебна старому европейскому порядку и могла со временем превратиться в его союзника. Ее главные сторонники происходили не из аморфных, все более отчаянных масс нового промышленного пролетариата, а из образованных и обогащающихся средних слоев. Эти средние слои своим числом, растущим благосостоянием и самосознанием были обязаны все тем же переменам, происходившим в старом европейском обществе с конца XVIII века. Отдельные составляющие этих средних слоев были весьма старыми, появившись одновременно с городами. Однако их подъем, объединение в огромную волну национального движения стало возможным только благодаря быстрому росту населения с начала XIX века. Этот рост стал базовой, мощнейшей причиной всеобщих перемен на Западе.

Утверждая все вышесказанное, мы не отказываемся от примата истории духа в изучении прошлого. Мы различаем в истории причины и ценности, пытаемся в полной мере понять действие даже самых простых и грубых факторов – в данном случае давление новых масс на старое общество, – однако лишь потому даем себе труд изучать их, что речь здесь идет в конечном счете о судьбе больших духовных ценностей Запада. Сегодня, когда эти ценности находятся в смертельной опасности из-за только что пережитой катастрофы, нам следует вдвойне обратить внимание на сокрытые в темноте элементарные основы, из которых произрастает все величественное и священное в западной и в особенности в нашей собственной национальной культуре. И когда мы говорим о «причинах», связывающих между собой условия и ценности, мы не имеем в виду нечто механическое, а затрагиваем глубокие и загадочные жизненные взаимосвязи.

Мы говорили об отношениях, возникших между двумя большими волнами XIX века – социалистическим и национальным движением. Предрекавшийся вождями социалистического движения большой переполох – скорая и окончательная революция – пока не случился, поскольку национальное движение смогло заявить о себе и распространиться вширь. Оно переросло в национализм, а у великих держав в империализм, и к концу XIX века находилось на крутом подъеме. Национальные экономики конкурировали между собой, люди беспокоились за жизненное пространство для будущих поколений. Усиление военной и морской мощи, приобретение колоний, распространение заморской торговли стояли на повестке дня. Post equitem sedet atra cura[7], – писал молодой одаренный экономист Пауль Фойгт в «Прусском ежегоднике»[8] за 1898 год. Он имел в виду в первую очередь экспортную индустрию, которая с лихорадочной поспешностью осваивала мировые рынки, однако уже принимал в расчет возможность английской блокады Германии с последующей разрухой в стиле Тридцатилетней войны и русским владычеством над нами. С начала XX века развитие шло в сторону войны за то, кто получит самое обширное место под солнцем. Вожди социалистического движения неустанно выступали

[7] Позади всадника сидит черная забота (*лат.*).

[8] «Прусский ежегодник» – один из наиболее влиятельных интеллектуальных журналов Германии, выходивший с 1858 по 1935 г. Изначально отличался умеренно либеральными политическими симпатиями, затем в возрастающей степени склонялся к консервативному национализму.

против этой тенденции, но не сумели ее остановить. Не социализм, а империализм стоял на повестке дня мировой истории к моменту начала Первой мировой войны.

Исход этой войны стал мощным ударом для империалистической идеи. Она потерпела поражение как в России, так и в Германии в своих попытках оттеснить социализм и использовать миллионные армии – этот примечательный итог быстрого увеличения населения Запада – для достижения целей националистической буржуазии. Вновь поднялась могучая социалистическая волна, в первую очередь в России, где она превратилась в коммунистический большевизм. В Германии, напротив, пришедшие в 1918 году к власти социалисты приняли скорее мелкобуржуазный облик, подчеркивая демократическую часть свой программы и отказавшись от всех империалистических целей националистической буржуазии. В победивших державах Западной Европы и Северной Америки после всех военных успехов не произошло столкновений империалистической и социалистической идеи. В общем и целом крупная буржуазия сумела сохранить здесь свои позиции.

Однако можно ли было надолго разделить две большие волны Запада? Были ли они обречены находиться в борьбе и противоречии друг с другом, могло ли произойти их внутреннее соединение? Неудачная попытка такого соединения должна была обернуться большим несчастьем для страны и всего мира – что и случилось во Второй мировой войне. Но нужно признать, что обе волны – национальное движение не в меньшей степени, чем социалистическое – имели в основе глубокое историческое право. Они не являлись, как можно было бы заключить из Буркхардта, лишь побочными результатами разнообразных человеческих страстей. Они представляли собой инстинктивные попытки решить проблемы человечества, возникшие в результате неслыханного в мировой истории роста населения. К примеру, даже в империализме, нарушителе мирового спокойствия, мы видим разумное зерно – заботу об экономических основах существования собственного народа. Похожее беспокойство жило и в социализме, который, однако, искал совершенно иной выход. Но отложим поиск ответа на вопрос о возможности сочетать притязания двух волн и посмотрим на реально предпринятые попытки соединить их друг с другом. Ограничимся экспериментами, предпринятыми в Италии и Германии.

С объединением национальной и социалистической волны в этих странах была связана идея придать получившемуся результату твердость и прочность за счет авторитарной, централизованной, освобожденной от всех парламентских ограничений власти над государством, народом и отдельными людьми. При этом отбрасывалась целая система идеалов, являвшихся до этого на Западе объектом искреннего почитания. Идеалов не только либеральных и гуманистических, ориентированных на счастье и свободу индивида, но и старых христианских – в той степени, в которой они говорили о спасении отдельной души. Благодаря заботе о душе каждого христианство являлось колыбелью гуманистического либерализма, который, в свою очередь, можно воспринимать как секулярное христианство.

Однако в новых авторитарных системах, итальянской и немецкой, в центре находилась не душа человека, не индивид, находилось единое целое, представлявшее собой прочный сплав отдельных душ. Душа потеряла свою ценность на фоне этого целого. Такой чудовищный переворот, такая неизмеримая потеря прежних культурных идеалов были бы оправданными только в том случае, если бы они одновременно породили новые, неизвестные ранее ценности. Смогло ли целое приобрести все, что хотело, поглотив силу и душу индивидов?

В рамках нашей книги нет смысла много говорить об Италии. Фашистские одежды с самого начала плохо подходили итальянскому национальному характеру. Итальянский народ богат творческими силами и непреходящими культурными достижениями, однако он не является народом-солдатом и не годился для поставленной Муссолини перед ним задачи – превращения Италии в мировую державу. Близким итальянскому духу был лишь риторический элемент фашизма – его способность опьянять себя мечтами о славе и величии. Размахивая саблей, но не извлекая ее из ножен для большой и серьезной борьбы, Муссолини смог прекрасно удер-

живать власть на протяжении двух десятилетий и создавать видимость великой державы. На путь к гибели он вступил в 1940 году, став после нашей неожиданной большой победы над Францией сообщником Гитлера – возможно, вынужденный шаг, чтобы не утратить престиж и авторитет. Если бы не Гитлер, он, может быть, еще долго мог бы удерживать власть, придерживаясь отработанной тактики.

С 1940 года его эксперимент страдал еще от одной элементарной проблемы: Италия недостаточно хорошо обеспечена сырьем и продовольствием для того, чтобы быть великой державой первого ранга, рискующей бросить вызов мировым империям. То же касается и Германии, хотя ее положение несколько более выгодное. Трезвый наблюдатель мог сделать такой вывод уже на основании опыта Первой мировой войны. С нашей стороны желание стать мировой державой было авантюрой. Однако вся авантюрность подобных планов оказалась очевидной только во время Второй мировой войны, развязанной Гитлером и его партией. Какие корни в истории германского народа были у этого эксперимента? В следующих главах мы попытаемся дать ответ на этот вопрос.

2. Немецкий народ до и после основания империи

Начать нужно с того, что обе большие волны XIX века – национальная и социалистическая – имели в Германии свой индивидуальный облик и активно взаимодействовали друг с другом. Их столкновение и борьба оказались здесь более жесткими, чем у других народов. В результате оба движения приобрели воинственный характер, который при попытке соединить их в подходящий исторический момент должен был оказать на исход этой попытки зловещее влияние. Данное обобщение нужно теперь подтвердить конкретными фактами.

Национальная волна поднялась в Германии примерно за полвека до социалистической. Новый буржуазный средний класс появился на сцене гораздо раньше, чем новая пролетарская масса. Простая причина роста последней – технико-экономический переворот[9] – начался у нас позднее, чем в Западной Европе. В то же время ранее созревание и высокий духовный расцвет буржуазного среднего класса объясняются его умножением, начавшимся еще в XVIII веке.

О национальном движении в полном смысле слова – когда речь идет о национальных чувствах не отдельных людей или малых групп, а целых слоев общества – можно говорить только со времени оккупации и Освободительных войн[10]. С этого же времени начинаются определенные перемены в самой сущности немецкого народа, которые необходимо знать, чтобы хоть как-то понять нашу судьбу. Вильгельм фон Гумбольдт[11] с присущей ему остротой восприятия уже в 1815 году заметил изменения, казавшиеся ему одновременно приобретением и потерей, но все же, вероятно, потерей более, чем приобретением. Он смотрел на полных патриотизма воинов и говорил о том, что видит в них новый великий и благородный характер, хотя и намного более привязанный к повседневности, чем у поколения Гёте, к которому принадлежал он сам и которое было способно подняться выше обыденной реальности.

[9] Имеется в виду Индустриальная (Промышленная) революция.

[10] Речь идет об оккупации германских государств французскими войсками в ходе Наполеоновских войн, последняя фаза которых – 1813–1815 гг. – получила в немецкой традиции название Освободительных войн.

[11] Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) – немецкий ученый-гуманист и государственный деятель, основатель Берлинского университета. Выступал за реформы образовательной системы, которые обеспечивали бы развитие индивидуальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.